

Доктор Роберт А. Петерсон, Христология, Сессия 7, Современная христология, Часть 2, Барт, Бульманн и Панненберг

© 2024 Роберт Петерсон и Тед Хильдебрандт

Это доктор Роберт Петерсон в своем учении о христологии. Это сессия 7, Современная христология, Часть 2, Карл Барт, Рудольф Бульманн и Вольфхарт Панненберг .

Мы продолжаем изучение современной христологии с фигурой Карла Барта.

Его влияние ощущалось во всем западном богословии в 20 веке в большой степени. Для него весь предмет христологии был центральным в богословии, и в сознательной реакции на либеральное богословие предыдущего столетия, которому его учили, он подтвердил классические ортодоксальные утверждения первых пяти столетий о личности Христа. Барт обучался у некоторых ведущих либералов своего времени.

Он служил пастором, и эта теология просто не работала. Поэтому, по его собственным словам, он открыл странный новый мир Библии и начал проповедовать его. Мое представление Барта будет в основном позитивным, но я не имею этого в виду, я не утверждаю, что я бартианец, и проблемы определенно есть.

Например, Эмиль Бруннер, один из моих докторантов, которого я знаю лучше, чем Барта, отвергал историческое падение, и это просто создало много проблем, и все же они верили, что люди на самом деле грешники и нуждаются в прощении, и тому подобное. Однако использование Бартом Писания также было лучше, чем его учение о Писании. Он не исповедовал ничего похожего на непогрешимость.

И еще одна большая проблема в целом — это тенденция его теологии к универсализму. Он отрицал это, но многие пришли к выводу, что это то, к чему все равно идет, несмотря на его отрицание. Так что, с этими оговорками, я согласен.

Он подтвердил классические ортодоксальные утверждения первых пяти столетий о личности Христа. На протяжении всей своей долгой карьеры он верно придерживался классической христологии, и произошедшие изменения

были в рамках этой структуры, особенно с тех пор, как его исследование Ансельма в 1931 году, *Faith Seeking Understanding*, является английским переводом. Барт был склонен к основательной христологической концентрации всего спектра систематического богословия.

В первом томе своей знаменитой «Церковной догматики» он писал, цитата, церковная догматика должна быть, конечно, христологически определена как целое и во всех своих частях, так же несомненно, как открытое Слово Божие, засвидетельствованное Священным Писанием и провозглашенное Церковью, является ее единственным критерием, и так же несомненно, как это открытое Слово тождественно Иисусу Христу. Если догматика не может считать себя и заставить себя считаться фундаментально христологией, она, несомненно, поддастся какому-то чуждому способу и уже находится на грани потери своего характера как церковной догматики. По Барту, Иисус Христос есть начало всех путей и дел Божиих.

Все начинается с избрания Богом Богочеловека Иисуса Христа. По этой причине все остальное должно рассматриваться в свете Иисуса Христа. Я продолжаю думать о различных аспектах его теологии.

Насколько мне известно, а я написал книгу об избрании и свободной воле, он первый человек в истории церкви, который понял избрание так, как он, и в конце концов я бы расценил это как блестящую неудачу, ибо мы избраны во Христе прежде создания мира, Ефесеям 1, поскольку Барт имеет в виду, что сам Иисус является избранным и отверженным человеком для всех. Опять же, это показывает тенденцию к универсализму, и он учил этому уникально. Он повлиял на других, которые последовали за ним в этом, но это не учение Ефесеям 1, это то, что Бог избрал людей с перспективой присоединения их ко Христу.

В нем не говорится об избрании Христа. По сути, Барт настолько сделал Христа центром своей мысли, что его порой обвиняли в христомонизме, в акцентировании Христа таким образом, что это ставит под угрозу другие аспекты его теологии. Это правда. Как я уже сказал, я изучал Бруннера, и Бруннер и Барт сталкивались по вопросам естественного откровения и естественной теологии.

Бруннер, к сожалению, использовал неясную терминологию, но Барт набросился на него со всех сторон. Интерес к теологии в Германии в 40-х и 50-х годах был таким, что Барт смог написать книгу под названием «Девять, нет», гневный ответ Эмилю Брунеру, и люди купили эту книгу. Это было невероятно, но оглядываясь назад и глядя на всю картину, отрицание Бартом откровения Бога в творении из-за его настойчивого утверждения, что все откровение — во Христе, просто ошибочно.

Псалом 19 и Римлянам 1 — ключевые места, которые учат, что Бог явил себя в творении. Опять же, я сказал, что Брунер использовал неудачный язык, и он говорил о естественной теологии, которая заставила Барта нервничать. Это скорее естественное или общее откровение.

Верно, что у спасенных людей есть естественные теологии, но все они искажены грехом. В любом случае, в заявлении христомонизма есть доля правды. Барт рассматривал Христа в рамках классической ортодоксальной теологии.

Без всяких колебаний он принимает христологию древней церкви. Центральное утверждение, которое является цитатой из христологии древней церкви, заключается в том, что Бог становится единым с человеком, Иисусом Христом, истинным Богом и истинным человеком, снова цитируя церковную догматику. Когда либералы обвинили Халкидон в интеллектуализме, в подчеркивании интеллекта для принижения библейского учения, собор, ответил он, нельзя обвинить в интеллектуализме, ибо цитата, говоря о двух природах истинного Бога и истинного человека в едином лице Христа, он не намеревался разрешить тайну откровения.

Это было обвинение. Он пытается спекулировать и решать то, что неразрешимо, но вместо этого он воспринимает и уважает тайну, близкая цитата. Это именно то, что мы видели у Халкидона.

Это не объясняло тайну, и поскольку это не полностью объясняло ее, вы не можете полностью объяснить ее. Это вызвало критику, верно? Но здесь он защищает ее, и это действительно воодушевляет. В другом месте, где сказал Барт, можно также сказать, что формула Халкидона на самом деле не что иное, как экзегеза Иоанна 1:14, слово стало плотью.

Барт даже защищает такие абстрактные термины, как безличная человеческая природа и безличная человеческая природа Христа. То есть, он отрицал, что был человек, Иисус, помимо воплощения, и утверждал, что с самого начала человечности Иисуса во чреве Марии она была не безличной, а безличной через союз с Логосом во чреве Девы. Так что это способы защиты божественности и утверждения человечности Христа.

Не может быть никаких сомнений, что Барт полностью согласен с христологией древней церкви. Фактически, благодаря ему, долгое время наблюдалось большое возрождение интереса к древней христологии и ее принятие во многих кругах. После Барта многие были готовы снова принять даже непорочное зачатие.

Я говорю даже, потому что это было предметом огромных атак в либерализме. Показательный пример: Эмиль Брунер отрицал непорочное зачатие Христа. Он считал это мифологическим краем Нового Завета, и я цитирую Карла Барта: отрицание Эмилем Брунером непорочного зачатия — это плохое дело.

Это выставляет всю его теологию в негативном свете. Бог установил указатели в начале и конце жизни нашего Господа. Один из них — непорочное зачатие, а другой — пустая гробница.

Мы не смеем передвигать указатели. В своей части Брунер чувствовал себя раздавленным Бартом, который стал, который был гигантом, и была некоторая плохая кровь, так что в какой-то момент Брунер неразумно, несомненно, испытывая боль из-за того, что Барт писал книги, такие как «Девять, нет», и люди, знающие, что это значит, называли, называли Барта теологическим диктатором Германии, намекая на Гитлера и ужасную вещь, которую можно сказать. И все же, разве это в какой-то степени заслужено? Барт был очень сильным клиентом, действительно.

Барт всецело принял классическую доктрину Троицы. Если Иисус действительно является откровением Бога, то есть Бог, который открывается в нем, и если откровение Бога в Иисусе Христе и через него должно быть действительно эффективным, то Бог сам должен принести это откровение домой человеку-грешнику. То, что он делает, это начинает с Христа и подтверждает доктрину Троицы.

Трижды сам Бог является субъектом своего слова. Он — открыватель. Это Отец . Он — откровение, это Сын .

Он есть откровение , это Дух. Это может означать только то, что Бог триедин, что сам Бог, снова цитируя Барта, есть ненарушенное единство, однако он также существует в ненарушенном различии как открыватель, откровение и откровение . Из этого вы понимаете, что Барт использует свою собственную терминологию, но он утверждает, и он очень сосредоточен на Христе.

Он подтверждает традиционную доктрину Троицы. По сути, он подчеркивал, что Бог триедин в своей внутренней сущности. Недостаточно принять экономическую Троицу.

Экономическая Троица — это Троица, явленная в мире, действующая и т. д. Как в Послании к Ефесеям 1, Отец выбирает, Сын искупает, а Дух — это печать Отца на верующих, защищающая их спасение до конца. Это экономическая Троица, Троица в движении, функциональная Троица.

Но Барт также принимал онтологическую или имманентную Троицу, то есть Бог есть триединый Бог в себе. Неудивительно, что для Барта божественность Иисуса Христа принадлежала к самому центру христианской веры. Фактически, в более ранних томах Церковной догматики центральное положение Христа получило такое большое значение, что Барта обвиняли в отождествлении Иисуса с Богом до такой степени, что его человечность отступает на второй план, и едва ли остается место для противопоставления Иисуса и Бога.

Справедливости ради, это, вероятно, правильная критика, но со временем он ее гораздо больше сбалансировал. Христианская церковь всегда избегала определенных опасностей, говоря настойчиво о Сыне в его человеческой природе. Контраст не между Отцом и Сыном как таковыми.

Это не межтринитарный контраст или напряжение, но Сын в своей человеческой форме подчиняет себя Отцу. Евангелия говорят о страданиях Иисуса как о деянии Бога, которое совпадает со свободным действием и страданием человека. Но таким образом, что это человеческое действие и страдание должно быть представлено и понято как действие и, следовательно, страдание самого Бога.

И такого рода заявления, похоже, что он перешел черту и почти учит патрапацианству, которое он отрицает, и тем не менее ему дают крайние заявления таким образом. В более поздние годы мы видим, что в мышлении Барта происходит определенный сдвиг. Он по-прежнему утверждает, что именно Бог является реальным субъектом откровения, которое имело место в Иисусе, но теперь акцент делается гораздо больше на Иисусе, который является истинным представителем человечества и который, как таковой, действует как человеческий партнер Бога.

Иисус Христос — истинный партнер Бога, и только через него все остальные люди могут быть партнерами Бога. Когда влияние Барта достигло своего пика, своего зенита, появились новые тенденции гораздо более радикального характера, которые должны были направить западное богословие по дороге, которая вела далеко от ортодоксальной позиции древней церкви. Именно к ним мы сейчас и обратимся, и в первую очередь к Рудольфу Бультману.

Он был гением и пионером многих областей изучения, критики формы, библейского богословия, написав книгу именно на эту тему. Он написал потрясающий комментарий к Евангелию от Иоанна. И так далее, герменевтика, и все же, безусловно, есть христология снизу, но также и отрицание многих, многих христианских доктрин.

Я помню, как преподавал 1 Иоанна 2 в семинарском классе по греческому тексту, где говорится: Иоанн говорит своим читателям: вы все знаете, что вам не

нужно, чтобы кто-то учил вас, но помазание Божие, ссылка на Святого Духа, учит вас, и вы знаете все. Смысл в том, что они не должны впадать в депрессию из-за того, что лжеучителя, которые учили ложной христологии и взгляду на этику, оставили их и отвергли. Они должны доверять Господу, апостолам и духу и идти вперед.

В связи с этим я помню, как студенты просто недоумевали на занятиях. Как Бультман мог знать так много и иметь такое влияние? Знает ли он в смысле 1 Иоанна 2? Знает ли он Отца и Сына? И я не спешу судить других, ладно? Но как он мог не знать этого, если он знал так много? И ответ таков: это знание, о котором говорится в терминах веры. И даже маленький ребенок, который верит в Иисуса, знает Отца и Сына таким образом, как Бультман, отрицающий воплощение, божественность Христа, чудеса, рай и ад, воскресение Иисуса во втором пришествии, не знал его.

Какое печальное положение дел. Но, несомненно, самый влиятельный исследователь Нового Завета 20-го века. После Второй мировой войны произошел сдвиг, когда программа Рудольфа Бультмана по демифологизации и его экзистенциалистская интерпретация библейского послания стали новым центром теологических дискуссий.

Для Бультмана крест Христа был центром всего богословия. Но его подход к кресту и к личности самого Иисуса решительно отличался от подхода Барта по крайней мере в двух отношениях. Прежде всего, Бультман подходил к Новому Завету с радикальной, критической точки зрения.

Как представитель школы критики формы, он считал, что писания Нового Завета не описывают фактическую историю, а скорее являются продуктами теологии ранних христианских общин. В процессе устной передачи и регулярного проповедования к первоначальной истории Иисуса были добавлены всевозможные легендарные элементы. Таким образом, Новый Завет представляет эту трехъярусную вселенную с Богом и ангелами здесь, человечеством и животными здесь, а также дьяволами и адом здесь.

Это была его точка зрения. Мы просто не можем принять это. И все же, послание Нового Завета важно.

Итак, эти легенды и эти невероятные легендарные элементы, говорит правильные слова, должны быть демифологизированы, чтобы сделать сообщение приемлемым, применимым и меняющим жизнь для современных мужчин и женщин. Кроме того, как представитель религиозно - исторической школы, Бультманн также видел тесную связь между посланием Нового Завета и нехристианскими религиями того периода. Я был несколько шокирован, прочитав его теологию Нового Завета, и он сказал много хорошего о теологии

Иоанна, также и о Павле, а затем, когда он заговорил об их общности, они согласились, потому что оба получили свои идеи из мистических религий и протогностицизма.

Я просто опешил. Дохристианский гностицизм, вот что это было, который с тех пор был опровергнут. Это явление второго века.

У нас есть некоторые зарождающиеся тенденции в чем-то вроде Первого Иоанна, но нет, дохристианского гностицизма нет. Так что его предположения были о том, что религии были равны в некотором смысле и что они влияли друг на друга в этом роде вещей. Понятие нормативности или откровения Нового Завета просто отсутствует.

Здесь он нашел фон мифологических интерпретаций Иисуса и его смерти и воскресения, как они даны авторами Нового Завета. Второе важное различие между Бартом и Бультманом заключается в том, что Бультман пытался перевести все, что Новый Завет говорит об Иисусе и его работе, в антропологические категории. Снова и снова я находил в его трудах другой способ, это другой способ выражения верующего самопонимания.

Это, это о нас. Это о нас. На самом деле, радикальные левые философы и атеистические философы слева говорили: Рудольф, у тебя все хорошо.

Ты гениален. У тебя все хорошо. Ты впитал экзистенциализм Хайдеггера и у тебя все хорошо.

Если вы демифологизируете еще что-то, вы с нами. Но он отказался полностью демифологизировать Бога. О, мое слово.

Здесь мы сталкиваемся с глубоким влиянием, которое оказала на Бульмана экзистенциалистская философия молодого Хайдеггера. Для Бульмана наше теологическое знание является в то же время знанием о нас самих. По сути, один из его учеников определил Бога как верующее самопонимание.

Все это ушло внутрь. Это возмутительно. Мы не можем говорить о Боге без ссылки на нашу собственную конкретную экзистенциальную ситуацию.

То же самое относится и к нашему разговору об Иисусе Христе. О нем мы тоже не можем говорить, не говоря в то же время о себе. В этом смысле можно сказать, что весь теологический и христологический дискурс сам по себе является антропологическим дискурсом.

Это верно для теологии Павла, цитирующего Бультмана в его Теологии Нового Завета. Каждое утверждение о Христе является также утверждением о человеке и наоборот. И христология Павла одновременно является сотериологией.

Бультманн суммировал весь свой подход в своей знаменитой лекции 1941 года «Новый Завет и мифология», в которой он начал свою программу демифологизации. Его отправной точкой является убеждение, что Новый Завет полон мифологии. Все авторы думали о древней картине мира.

Вселенная рассматривается как трехэтажная структура, как я уже сказал. Да, да, сам Бог постоянно вмешивается в дела этого мира и заставляет происходить чудесные события. Он в это не верил.

Это часть мифологии. Однако все это совершенно неприемлемо для современного человека. Мы больше не можем принимать послание Иисуса, представленное в Новом Завете с буквальным воплощением, буквальными чудесами, буквальным искуплением.

Я не сказал ограниченный. Я сказал буквальное искупление, буквальное воскрешение и буквальное вознесение. Все эти вопросы принадлежат мифологическим рамкам сообщения.

Единственный способ обнаружить само послание — это полностью и радикально демифологизировать Новый Завет. Но не впадаем ли мы, таким образом, в ошибки старых либералов? Разве они не делали то же самое? Бультман осознает проблему здесь, и все же он настаивает на том, что есть фундаментальное различие между его программой демифологизации и программой старых либералов. Его собственный метод совершенно иной.

Это не устранение библейских легенд, а их переосмысление. Наша задача — выяснить, какие религиозные переживания пытались выразить авторы посредством всех этих мифов. Ответ на этот вопрос не сложен.

Эти люди обнаружили, что в кресте человека, Иисуса из Назарета, они были избавлены от власти греха. Обратите внимание на человека, Иисуса из Назарета. Он не Богочеловек.

Точно так же мы должны демифологизировать личность Иисуса. Очевидно, что Новый Завет дает мифологическую интерпретацию Иисуса. Он говорит о нем как о сверхъестественном существе, существовавшем до нас, которое сошло на землю и родилось чудесным образом.

В человеческом облике он пожертвовал собой за грехи мира и умер на кресте. Через три дня он снова ожил и чудесным образом вернулся на небеса. В будущем он вернется с небес на землю.

Все это чистая мифология. Если вы хотите прийти к истинному пониманию Иисуса, мы должны снова перевести его в антропологические экзистенциальные категории. Что на самом деле хотели сделать авторы Нового Завета, так это снова и снова цитировать его, чтобы выразить значение исторической фигуры Иисуса и событий его жизни.

Конец цитаты. Они пытались сказать, цитата, что фигура Иисуса не может быть понята просто из его внутреннего-мирского контекста. На мифологическом языке это означает, что он происходит из вечности.

Его происхождение не человеческое, а природное. Закрывать цитату. На обычном языке вот что это на самом деле означает.

В этом человеке, который сам был обычным человеком, говорит о христологии снизу, его отец и мать были хорошо известны его современникам, спасение Божие присутствует. На богословском языке это означает следующее. Этот человек является великим эсхатологическим событием, которое может привести нас к верующему самопониманию.

Новый подход означает колоссальную трансформацию библейского послания. Несомненно, в теологии папы Монте присутствует множество библейских мотивов, но также очевидно, что его христология полностью отличается от христологии символов веры. Герман Сасса однажды сформулировал это так: сарказм заслужен; извините.

Иисус Христос не был зачат Святым Духом, не был рожден Девой Марией. Он не страдал; он страдал при Понтии Пилате. Он был распят, умер и погребен, но он не сошел в ад, не воскрес из мертвых, не вознесся на небеса, не сидит одесную Бога Отца и не придет снова судить живых и мертвых.

Все, что мы можем сказать, это то, что каким-то образом в нем произошло эсхатологическое событие спасения. Факт, который был обнаружен его учениками через некоторое время после его смерти, и это то, что известно как воскрешение. Для меня печальный факт, что это был самый важный человек в изучении Нового Завета в 20 веке.

И все же маятник качнулся так далеко, что он должен был качнуться обратно, и он это сделал. Но прежде чем мы перейдем к этому, Джей Эй Ти Робинсон в некоторой степени знаменит. Я знаю его не по порядку, и я доберусь до Ганса Кюнга и Карла Ранера.

Его честность по отношению к Богу шокировала британское население, когда он фактически использовал программу демифологизации на общепринятом языке. Современный человек знает только одну реальность, а именно эту вселенную; есть только один способ думать и говорить о Боге, не в терминах его пребывания где-то там, а в терминах глубины. Бог — основа нашего бытия.

Он на самом деле является самим собой. Это звучит как радикальная христология Пауля Тиллиха, теология. Но даже это не было концом.

Другие пошли еще дальше и выдвинули теологию «Бог мертв», что означало, что традиционные представления о Боге ошибочны и должны быть отвергнуты. Контекстом новой христологической концентрации является атеизм современного человека. После Освенцима современный человек больше не верит в Бога, по крайней мере, в традиционный западный теизм.

Действительно, этот Бог мертв. Я вернусь к Робинсону, но его честность перед Богом потрясла британцев и заставила многих из них смутиться, и даже людей в депрессии, которые чувствовали, что больше не могут верить в Иисуса, о котором они узнали в воскресной школе и от англиканских прелатов, проповедовавших слово Божье. Двумя значительными фигурами второй половины 20-го века были Вольфхарт Панненберг и Юрген Мольтманн .

Панненберг в своей главной работе «Иисус, Бог и человек» методологически сказал, что мы должны предпочесть христологию снизу, а не сверху. Он пытается донести это до современных людей. И вот почему я использовал ранее различие между абсолютной христологией снизу и относительной.

Он начинает снизу, но исторически доходит до пустой гробницы, верит в исповедь Иисуса и в итоге утверждает традиционный взгляд на воплощение. Почему он начал снизу? Такой подход предполагает божественность Иисуса. Он затрудняет распознавание отличительных черт реального исторического человека, Иисуса из Назарета.

Он фактически принимает позицию самого Бога, концентрируясь на том, как сын Божий пришел в мир. Это отвержение подхода сверху не означает, что Панненберг полностью отвергает идею воплощения и что он считает воплощение христологии полной ошибкой. Фактически, он сам также принимает концепцию воплощения, но он видит ошибку традиционной христологии в том, что она взяла эту концепцию как отправную точку, а не как цель христологии.

Я утверждаю, что Иоанн и Павел взяли это за отправную точку и что мы можем сделать то же самое, хотя я ценю многие выводы Панненберга . Панненберг

также верит, что Иисус — сын Божий, но чтобы обнаружить это, мы должны начать снизу, то есть с исторического Иисуса. Но можем ли мы действительно знать эту деятельность и судьбу человека Иисуса, в отличие от Бульмана, согласно с пост-Бульманианцами, которые отреагировали на его крайний скептицизм, Панненберг утверждает, что мы действительно можем вернуться за пределы апостольской проповеди, керигмы, их послания историческому Иисусу?

Из Евангелий ясно, что непосредственный контекст Иисуса был связан с еврейским апокалиптическим ожиданием. Иисус ожидал абсолютного конца истории с всеобщим воскресением мертвых, появлением небесного сына человеческого и началом Страшного суда. В рамках этого контекста Иисус выполнил свою миссию призывать людей в Царство Божие, которое явилось в нем.

Из всего этого очевидно, что Иисус сделал огромное заявление о власти. Он утверждал, что говорит не менее, чем с авторитетом самого Бога. В то же время, это заявление имело пролептическую структуру.

Ему нужно было будущее оправдание от самого Бога. В этом и заключается гениальность его подхода. Однако ожидание Иисусом этого оправдания, похоже, стало одним большим провалом.

Ибо он был осужден вождями своего народа и впоследствии казнен римлянами как мятежник. Он умер на кресте. Но три дня спустя произошло великое чудо.

Бог воскресил его из мертвых и таким образом оправдал его и его притязания. Правда, окончательный конец истории еще не наступил, но воскресение Иисуса не может означать ничего иного, кроме как пролептическое предвосхищение этого конца. В то же время также стало очевидным, кем на самом деле является Иисус.

В воскресении христология снизу выливается в эсхатологическую христологию, в которой становится ясно, что, цитирую, как этот человек, как человек в этой особой уникальной ситуации с этой особой исторической миссией и этой особой судьбой, как этот человек, Иисус не просто человек, но с точки зрения его воскресения из мертвых он един с Богом и сам является Богом. Это цитата из Панненберга. Но разве это не противоречит тому, что мы читаем об историческом Иисусе, который считал себя полностью подчиненным Отцу? Ответ Панненберга заключается в том, что это подчинение является, в ретроспективе, выражением сущностного единства Иисуса как сына с Отцом.

Как тот, кто всецело предан Отцу, Иисус является открывателем божественности Бога и неразрывно принадлежит к сущности Бога. Таким образом, уже в своей

предпасхальной жизни Иисус был сыном Бога, хотя он еще не был узнаваем как таковой. Да, легенда о непорочном зачатии утверждает, что он был сыном Бога с самого начала.

Более того, мы можем говорить о его предсуществовании. Бог всегда был един с Иисусом, даже до его земного рождения. В конечном счете, мы можем говорить об Иисусе только в терминах воплощения.

Концепция воплощения, хотя мы и не можем взять ее за отправную точку в христологии, тем не менее утверждает истину, от которой нельзя отказаться. Все они являются цитатами из Панненберга. В Иисусе сам Бог вышел из своей инаковости в наш мир, в человеческую форму, таким образом, что отцовско-сыновние отношения, которые, как мы знаем ретроспективно, всегда принадлежали сущности Бога, теперь обрели телесную форму.

Я говорю нечто подобное в учении о Троице. Мы знаем, что Бог всегда существовал как Святая Троица, но мы узнали об этом в воплощении Сына. Мы не узнаем об этом из Ветхого Завета как такового.

О, вы можете найти предвосхищения, как мне кажется, но скорее вы замечаете их, глядя назад от воскресения Иисуса. Так что именно в воплощении мы понимаем, что Бог — это два в одном. Именно в Пятидесятницу мы понимаем, что Бог — это три в одном, и мы правильно читаем это в вечности, что, по сути, основано на определенных утверждениях Нового Завета.

Панненберг утверждает, что, цитата, различие, которое Иисус поддерживал между собой и Отцом, также принадлежит Троице Бога. Таким образом, христология Панненберга снизу выливается в полноценное учение о Троице. Но не означает ли это, что, опять же, человечество Иисуса, истинное человечество, поглощается истинным божеством? Панненберг возвращается к учению Леонтия Византийского VI века, подчеркивая безличную человечность Христа и безличную человечность.

Он ортодокс, другими словами. Но он спешит объяснить, что это не означает разделения Иисуса на две природы. Он не принимает эту терминологию.

Скорее, он говорит о двух взаимодополняющих аспектах. Клаус Руния оценивает и говорит, что на самом деле эти слова Панненберга, которые я не буду читать, это слишком много подробностей, есть не что иное, как древнее учение о безличной человечности Христа. То есть, не было просто человека.

Иисус, Бог, пришел и вселился. И безличная человечность Христа, то есть с самого начала его человечности в утробе Марии, его человечность была безличной через союз с Сыном, или Словом, в ее утробе. Оценка Клауса Рунии.

Очевидно, что христология Панненберга, хотя и начинается снизу, то есть с исторического Иисуса, через поворотный момент воскресения, в конечном итоге очень близка к классической христологии. Может быть, он и не хочет говорить о двух природах и предпочитает говорить о косвенной идентичности двух взаимодополняющих тотальных аспектов существования Иисуса, но это не меняет того факта, что его взгляд является вариантом халкидонской традиции. Важным аспектом христологии Панненберга является его решение развивать христологию снизу.

Мы считаем, что такой подход имеет определенные достоинства. Во-первых, он серьезно относится к историчности Иисуса. Во-вторых, он серьезно относится к его воскрешению как к великому поворотному моменту в жизни и деятельности Иисуса.

В то же время мы не можем не заметить, что Панненберг занимает довольно критическую позицию по отношению к библейским данным об Иисусе и часто использует историко-критический метод, чтобы избавиться от противоречивых свидетельств. Так, непорочное зачатие, которое не слишком вписывается в его подход снизу, объявляется легендой. Точно так же отрицается самосознание Иисуса как Мессии и Сына Божьего, которое в Евангелиях приписывается Иисусу.

Клаас Руния выражает признательность по крайней мере за версию Панненберга о христологии снизу, которую он должен передать современникам как часть своей стратегии. Он считает, что в этом может быть некоторая ценность, хотя он критикует отвержение Панненбергом части библейского свидетельства. Но затем он добавляет, однако, я считаю, что мы, живущие после Павла и Иоанна, должны дополнить христологию снизу христологией сверху.

Я полностью с этим согласен. Наконец, настойчивость Панненберга в христологии снизу также должна быть причиной того, что он в конечном итоге приходит к эсхатологической энипостазису всех людей. В Иисусе сущность Бога и сущность человека объединены.

Это произошло в частности исторической жизни Иисуса, говорит Панненберг, но затем он тут же добавляет, что в будущем эта интеграция распространится на всю человеческую реальность. Интересно, не приводит ли таким образом христология снизу к обожествлению людей, по сути, к универсализму. Конечно, я не согласен с Панненбергом в этом вопросе и, по сути, отвергаю его.

Итак, неоднозначная оценка, но даже несмотря на то, что Барт был лучше старых либералов, а Бульманн — это колоссальное отступление, Барт гораздо

более приемлем, хотя и не полностью ортодоксален. Тем не менее, по сравнению с Бультманном, Панненберг намного лучше и, по сути, лучше Бультмана, к которому мы вернемся в нашей следующей лекции.

Это д-р Роберт Петерсон в своем учении о христологии. Это сессия 7, Современная христология, Часть 2, Карл Барт, Рудольф Бультманн и Вольфхарт Панненберг .